

ЕВСЕЕВ ИВАН ВАЛЕНТИНОВИЧ¹

iiiiivv@mail.ru

КАНАКОВ ИЛЬЯ ВЛАДИМИРОВИЧ²

kanakov@bk.ru

---

^{1,2} Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России (Московская область, Россия)

К ВОПРОСУ УЧРЕЖДЕНИЯ ГУБНЫХ ТЮРЕМ В РОССИИ И ФОРМИРОВАНИЯ ТЮРЕМНОЙ ОБЩИНЫ

Аннотация. Данной работой продолжается цикл исследований, посвященных волостным местам изоляции правонарушителей в России, которые по своей подчиненности и организации зависели от местного общества губы, слободы или волости. Такие учреждения в первое время своего существования именовались клетью, темницей, холодной губной избой, но не тюрьмой. Тюрьмой такие помещения стали именоваться только после унификации законодательства в XVII веке.

Стоит отметить, что губные или волостные учреждения изоляции организовывались по воле волостного общества для защиты прав властей и обывателей от посягательства: как жителей волости, нарушивших закон или обычай, а также беглых и лихих людей, которых удавалось задерживать на территории волости. В силу правовых установок весь контингент тюрьмы можно разделить на две группы.

Первая – это срочные сидельцы из числа обывателей, которые или по доброй воле ютились в тюрьме или имели провинность в соответствии с законом или обычаем. Срок заключения таких сидельцев варьировался от одного дня до нескольких месяцев. Именно у этой большой группы сидельцев не прерывалась связь с родственниками, которые помогали сидельцу пережить время тюремного заключения и вернуться в семью.

Вторая группа была представлена временными сидельцами, задержанными на земле волости за преступления или побег от хозяина, а также теми, кому удавалось бежать из мест заключения. Такие сидельцы по указу должны были в течение 30 дней направляться в уездную тюрьму. Первая и вторая группы сидельцев волей судьбы для организации жизни объединялись в тюремную общину, которая организовывалась по народному обычаю с выбором старосты и других представителей управления. Наиболее сильные и смыслёные избирались в старосты. На основе анализа нормативных правовых актов можно утверждать, что тюремная община была не только признанной инициативой со стороны сидельцев, которая возникала на артельных началах крестьянского самоуправления, но и признавалась и поощрялась государственными органами и самими царскими особами.

Тяга российского обывателя к общине обуславливалась условиями жизни в тюрьме. Быт, традиции и праздники воспитывали в каждом члене общины понимание того, что он является частью социума, без которого его жизнь нельзя было представить. И когда член общины попадал в тюрьму, у него возникала острая необходимость ощущать себя в привычной для него среде – общине.

В целом тюремная община – это исторически сложившаяся общность людей, которая возникла по обычаю, но в последующем получила признание со стороны представителей власти, что было закреплено в нормативных актах.

Ключевые слова: тюрьма, волость, община, сидельцы, обычай

Для цитирования: Евсеев И. В. К вопросу учреждения губных тюрем в России и формирования тюремной общины / И. В. Евсеев, И. В. Канаков // Вестник ВИПК МВД России. – 2024. –

№ 3 (71). – С. 152-159; doi: 10.29039/2312-7937-2024-3-152-159

**EVSEEV IVAN V.¹,
KANAKOV ILYA V.²**

Advanced Training Institute of the MIA of Russia (Moscow region, Russia)

ON THE ISSUE OF ESTABLISHING A LABIAL PRISONS IN RUSSIA AND THE FORMATION OF A PRISON COMMUNITY

Annotation. This work continues a series of studies devoted to volost places of isolation of offenders in Russia, who, in their subordination and organization, depended on the local society of the lip, settlement or volost. In the early days of their existence, such institutions were called: cell, dungeon, cold, labial hut, but not prison. Prison, such premises began to be called only after the unification of legislation in the 17th century.

It is worth noting that the provincial or volost isolation institutions were organized at the will of the volost society to protect the rights of the authorities and ordinary people from encroachment: as residents of the volost who violated the law or custom, as well as fugitive and dashing people who were able to be detained on the territory of the volost. Due to legal regulations, the entire prison population can be divided into two groups.

The first is temporary prisoners from among the ordinary people who either huddled in prison of their own free will or ordinary people who had committed a crime in accordance with the law or custom. The term of imprisonment for such prisoners varied from one day to several months. It was this large group of inmates who maintained contact with relatives who helped the inmate survive his time in prison and return to his family.

The second group was represented by temporary prisoners who were detained on the land of the volost for crimes or escaping from the owner, as well as those who managed to escape from places of detention. According to the decree, such prisoners were to be sent to the county prison within 30 days.

The first and second groups of inmates, by the will of fate, to organize life, were united into a prison community, which was organized according to folk custom with the choice of the headman and other representatives of the administration. The strongest and smartest were elected to the elders. Based on the analysis of legal acts, it can be argued that the prison community was not only a recognized initiative on the part of the inmates, which arose on the artel basis of peasant self-government, but was also recognized and encouraged by state bodies and the royal persons themselves.

The Russian average person's attraction to the community was determined by the living conditions in prison. Life, traditions and holidays brought up in every member of the community the understanding that he was part of society, without which his life could not be imagined. And when a member of the community went to prison, he had an urgent need to feel himself in his familiar environment - the community.

In general, the prison community is a historically established community of people that arose according to custom, but subsequently received recognition from government officials, which was enshrined in regulations.

Key words: prison, parish, community, inmates, custom

For citation: Evseev I. V. On the issue of establishing a labial prisons in Russia and the formation of a prison community / I. V. Evseev, I. V. Kanakov // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. – 2024. – № 3 (71). – P. 152-159; doi: 10.29039/2312-7937-2024-3-152-159

Год от года в российском обществе наблюдается тяга к изучению истории государства и общества в различные периоды. При этом надо отметить, что делается упор на определенные категории социума или объединения.

Проводя встречи с гражданами в исправительных учреждениях, исторических клубах и музеях, можно услышать следующие вопросы: почему учреждения уголовно-исполнительной системы называют тюрьмой? Как формировалось тюремное сообщество в российских тюрьмах? Что из исторического прошлого может быть применимо в настоящее время и т.д.

Для того, чтобы ответить на данные вопросы, стоит совершить экскурс в историю уголовно-исполнительной системы России в момент ее формирования.

Именно об этом писали в своих исследованиях известные историки-правоведы, к числу которых можно отнести: Д.Н. Сергеевского [1], В.Н. Никитина [2], И.Я. Фойницкого [3], М.Н. Гернета [4], М.Г. Деткова [5], Н.И. Петренко [6], А.П. Печникова [7] и др. [соч.].

Мы не будем во многом повторять уже написанное [8, с. 33-36], а сфокусируем свое внимание на контингенте губных или волостных тюрем, так как именно там формировалась тюремная община на основе господствующего мировоззрения и традиций российского народа.

Вопросы формирования контингента в таких тюрьмах требуют особого рассмотрения и отдельного изучения в связи с большим проявлением влияния общества того времени на сидельцев. С учетом изложенного полагаем, что следует всесторонне исследовать этот опыт. У нас нет сомнений в том, что в законодательстве того времени было немало положительного, что может быть использовано при разработке НПА в современности. Это в должной мере относится к организации мест исполнения наказания.

Как мы уже писали не раз, в Московском государстве в больших поселениях, центрах волости по инициативе власти организовывались местные, так называемые волостные – губные тюрьмы, находившиеся в ведении губных или земских органов власти [8, с. 33-36].

Изначально тюрьма в Российском государстве не была видом исправительного учреждения. Данное понятие на момент его применения включало в себя ряд представлений обывателя о месте изоляции правонарушителей или лихих людей. Тюрьма была лишь определенной мерой физической изоляции правонарушителя до суда и местом пристанища для лиц без определенного места жительства, и изначально по своей сути не являлась тюрьмой в своем традиционном восприятии.

Как указывает Н.И. Петренко в своем исследовании, такие места изоляции правонарушителей создавались в волостях и губах при местных органах самоуправления, которые формировались по обычаю на выборной основе от мирян волости. Отличительной чертой этих учреждений было активное участие населения Московского государства в их организации и охране. Данную инициативу с мест государство поддерживало в разных интерпретациях вплоть до начала XX века [9].

При анализе нормативных актов прослеживается государственная установка того времени, что Губные избы как карательный орган, как правило, действовали на территории волости, губы, а позднее – уезда. Для руководства и координации губных органов в Москве существовала Разбойная изба, или, как она еще называлась, Губная изба. Правовой основой деятельности губных и земских изб были губные и земские грамоты. Древнейшие из них: Белозерская губная грамота 1539 года, Двинская уставная земская грамота 1552 года, губный наказ селам Кирилло-Белозерского монастыря 1549 года и др. [9, с. 187-195].

Многие исследователи указывают, что термин «тюрьма» появился в Московском законодательстве с принятием Судебника Ивана IV в 1550 году. В данном нормативном акте в нескольких статьях использовался термин «тюрьма», которая по замыслу законодателя должна была стать не только местом изоляции, но и местом реализации уголовного наказания. При анализе прописанных норм судебника возникает мысль, что термин «тюрьма» в документе использовался в двух основных интерпретациях.

Первая интерпретация определялась словом «вкинуть», то есть заключить на определенный срок, когда норма предусматривала такое заключение. На это указывают выдержки из норм: «вкинути в тюрьму», «вкинуть в тюрьму до смерти» и т.д. [10, с. 26].

Вторая интерпретация предусматривала термин «кинуть в тюрьму» или «отсылати в тюрьму» [10, с. 29], что означало изоляцию субъекта до принятия судебного или административного решения, которые определяют наказание без лишения свободы.

Многие тюрьмы стояли пустыми долгое время. Правонарушители в основной массе были местными, и для власти было выгоднее их передать на поруки субъекта до суда, чем организовывать режим и охрану тюрьмы. По большей части основную массу правонарушителей составляли местные миряне: крестьяне, ремесленники, которые совершили мелкие проступки или малозначительные преступления.

Когда же тюрьма пустовала, то она становилась пристанищем для лиц без определенного места жительства, постоянно находящихся на территории волости, в качестве ночлега избирающих тюрьму, так как там было относительно тепло, и сторожа от лица общины могли накормить пришедших. Данный факт отражен в исследовании В.Н. Никитина [11, с. 13].

На основе вышесказанного можно утверждать, что волостная тюрьма была неким универсальным местом, как для изоляции правонарушителей, так и ночлегом для обездоленных, которые добровольно являлись в тюрьму, чтобы не замерзнуть и не умереть с голоду. Последнее указывает на тот факт, что в тюрьме даже не по воли властей было организовано получение питания от местной волостной общины. Местная община и состоятельные миряне по собственной инициативе на основе существующего обычая передавали в тюрьму продовольствие и одежду. Питание распределялось тюремным старостой между всеми сидельцами. Местных правонарушителей, за которыми не было значимых нарушений, иногда отпускали в семью за питанием, или представители семьи приходили в тюрьму и могли с сидельцем провести весь день.

В силу этого обстоятельства большинство правонарушителей «до решения их дел оставались по обычаю «на поруках» у определенной семьи или конкретного авторитетного жителя, если же поруки не было, то заключенный оставался в тюрьме при волостном правлении» [12, л. 28-29].

Еще раз скажем, что для местных властей поручительство было наиболее выгодной мерой пресечения, так как предлагало надзор поручителей за отпущенными на свободу.

В своем исследовании С.П. Никонов указывал, что «в тюрьме содержатся во время следствия и суда все обвиняемые в преступлениях, особенно когда подсудимые уже осуждены в первой степени суда; равно в тюрьме содержатся те, кои были обвинены в других менее важных преступлениях, не могут представить по себе порук» [13, с. 65].

Тюремное помещение оборудовали в подсобных помещениях без окон и отопления в целях предотвращения побега. Так, для содержания правонарушителей использовали погреба при доме старосты, клетки и ямы для содержания скота под землей. В РГАДА документах Сибирского приказа есть любопытный документ о содержании в губной тюрьме при съезжей избе подозреваемого беглого крестьянина. Стоит отметить, что данный субъект был задержан для установления личности. «...Его и жену его держали неделю в помещении при съезжем дворе в пустом подклете для скота, устанавливая, являются ли они беглыми крестьянами. А другой был взят и содержался в пустом подклете недели за две. А вклепались де у сына его за жену, будто Строганова крестьянка» [14, л. 184]. Данный факт указывает на то, что подклет для скота в этом случае рассматривалась как специализированное помещение для изоляции, то есть в простом народном понимании – тюрьма, но таковой еще не называлась, а сидельцы не были правонарушителями, так как их причастность к возможному нарушению не была установлена.

Как указывалось выше, губные или волостные тюрьмы находились в ведении местных властей, которые в соответствии с обычаем и указаниями представителей государственных органов вершили суд [15, с. 19-22] над мирянами, допустившими мелкие проступки, и которые по последствиям можно было отнести к маловажным, и наказание по которым во много назначалось исходя из обычая. К таким правонарушениям можно было отнести:

- мелкое воровство;
- участие в драках, за исключением праздничных боев;
- отсутствие на воскресном богослужении и исповеди;
- пьянство,
- сожительство без венчания;
- неповиновение родителям,

- бегство холопа от хозяина своего и т.п.

В последующие времена данный обычай был закреплен уже государственным НПА в 1775 году, когда многие волостные тюрьмы были преобразованы в смирительные дома. Так, в разделе 391 «Учреждения для управления губерній всероссійскія Имперіи» указывались категории лиц, подлежащих помещению в смирительный дом, закреплялись уже существующие положения:

«1) сыновья и дочери, кои родителям своим не послушны или пребывают злого жития, или ни к чему доброму не склонны, ... 7) непотребного, неистового и соблазнительного жития женского пола» [15, с. 266-267].

Так формировалась первая группа сидельцев, которая не прерывала связи с родственной общиной. Представители этой группы каждый день могли встречаться с родственниками, друзьями и т.д. Эта группа меньше подвергалась преступному влиянию со стороны закоренелых правонарушителей, которые также были частыми сидельцами волостных тюрем в силу своего задержания. Наряду с первой группой в волостных тюрьмах могла формироваться и другая группа сидельцев, состоящая:

- из пойманных колодников на территории волости;
- мирян, совершивших уголовное преступление и ожидающих этапирования в уездную тюрьму;
- этапных, если этап проходил через данный населенный пункт;
- мирян, не имеющих документа, и т.д.

Такое деление сидельцев на группы происходило по обычаю; все эти наработки, апробированные временем, были закреплены в более позднее время циркуляром от 11 октября 1832 г. Именно в нем закреплялось понятие маловажности правонарушения. К маловажным были отнесены правонарушения: обвинение в мелком воровстве, буйстве, пьянстве, драках и т.д. [17, л. 1].

Еще раз напомним, что первая группа сидельцев определялась как срочные сидельцы, которые обвинялись в маловажных правонарушениях, к которым в некоторых случаях относили гулящих лиц без определенного места жительства и документов. Срок пребывания таких сидельцев определялся от нескольких лет до нескольких дней [18, с. 1]. Данный пример свидетельствует о том, что тюремное заключение на несколько дней рассматривалось законодателем как мера превентивная. Заключение должно было быть мерой исправительной, которая должна сдерживать правонарушителя в будущем от подобных деяний. Для первой группы сидельцев определялись краткосрочные наказания. Непродолжительность заключения обуславливалась признанием целесообразности воздействия на моральный и нравственный облик преступника, возможностью его исправления.

Вторая группа была представлена сидельцами, за которыми усматривалось свершение важных преступлений и которых требовалось отправить за караулом в уездную тюрьму.

Как правило, организационно-режимное различие в волостных тюрьмах было только для выделенных групп. Для каждой группы оборудовался специальный блок из нескольких общих помещений, куда данная категория сидельцев запиралась на ночь под присмотр старосты блока. Старосту выбирали все сидельцы блока на основе обычая. Если же сидельцев было немного, то и старосту не выбирали.

Как пишет И.Я. Фойницкий, «... для лица, попавшего волей судьбы в тюрьму, мир изменялся. Для него возникало два начальства, с разными полномочиями, своими мерами принуждения и различными задачами. Первое начальство представлялось служащими тюрьмы: от начальника до ночного сторожа. Второе же было представлено артельным начальством, выбранным тюремной общиной. Подчиняясь первому наружным образом, он должен всецело принадлежать второму...» [19, с. 392].

Именно местный обычай во многом определял режим содержания первой группы сидельцев. Сидельцы из этой категории в дневное время свободно могли общаться с близкими родственниками и друзьями. Утром дверь тюрьмы открывалась сторожами, и сидельцы выпускались во двор. Торговцы и родные могли без ограничения проводить время в этом дворе. Родные приносили продукты питания, вели с сидельцем беседы и даже могли выпросить сидельца на день домой, вопреки всем нормативным актам, руководствуясь только обычаем.

Также были случаи, что срочные сидельцы могли быть отпущены на договорные работы в поселение под присмотр авторитетного обывателя, что в последующем было отражено в горном уставе Н.В. Татищева [20] и приказах Горного правления Уральских заводов [21, л. 4]. Данный факт подтверждается указами начала XVIII века «по безгласным делам, кто из посторонних людей пожелает взять на некоторое время, для своих собственных работ: то оных на основании... 1722 году октября 17 дня указа, отпускать за пристойным караулом, с платежом им от взявших их в работу по 3 копейки на день... то время, сколько они в партикулярной работе пробудут, из казны кормовых денег им уже не производить...» [22].

Необходимо отметить, что каждый правонарушитель, попадая в тюрьму, оказывался в сложившемся социуме – общине таких же сидельцев, как и он сам, но это, как правило, касалось второй группы сидельцев. Постепенно ориентируясь в новой среде, связывая себя с интересами и жизнью тюрьмы, он – сиделец – невольно становился членом тюремной общины. В тюрьме он находил себе новую среду, где встречал сочувствие своему горю, приобретал друзей, помощников и учителей; со временем отрекался от всякого другого общества, кроме острожного, и беззаветно отдавался своим новым братьям и союзникам.

Главной задачей тюремной общины было поддержание спокойствия и порядка среди арестантов, а также облегчение бытовых условий отбывания наказания. Силой общинного воздействия, авторитетом и влиянием артельной организации община весьма успешно поддерживала порядок в тюрьме, не допускала драк, буйств, преступлений и массовых эксцессов среди арестантов. При этом она весьма жестко требовала от тюремной администрации невмешательства в организацию жизни и быта тюремных сидельцев, в деятельность самой общины. По данным Н.Д. Сергиевского, источники того времени не содержат ни одного упоминания о совершении преступлений арестантами в отношении друг друга [23, с. 206].

Легитимность тюремной общины вполне признавалась властями. Об этом красноречиво свидетельствует челобитная арестантской общины Шуйской тюрьмы государю, где арестанты жаловались на губного старосту и тюремных сторожей, которые «морют нас бедных голодной смертью, а для хлеба в ряд сами не идут, а нас бедных не выпускают» [24]. Весьма показательна реакция государя на это обращение: он его воспринимает, говоря современным языком, как просьбу общественной организации граждан, и своим указом от 25 октября 1662 г. повелевает на питание арестантов «давать своего Великого Государя жалованье ... на день по два алтына на сидельца» [25].

В целом можно утверждать, что община представлялась миром для простого человека, без существования которого он не мог жить и не представлял себя без него. Российский человек с детства впитывал в себя традиции общины-мира. И где бы он ни появлялся, у него возникала острая необходимость ощущения себя в общине. Сама практика реализации тюремного заключения выработала такую своеобразную, вполне самостоятельную форму организации тюремной жизни и быта, представлявшую довольно широкие пределы самостоятельности заключенным. Тюремная община оставалась прообразом родовой общины с иерархией и подчиненностью. Власть в лице царя и уполномоченных представителей признавали такую общину и поддерживали.

1. Сергеевский Д.Н. Наказание в Русском праве XVII века. – СПб, 1887.
2. Никитин В.Н. Тюрьма и ссылка. – СПб, 1880.
3. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. – Санкт-Петербург: тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1889.
4. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. – М.: юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941.
5. Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. Исторический очерк. – М.: Юрлитинформ, 2009.
6. Петренко Н.И. Организационно-правовые основы исполнения наказания за общеуголовные преступления в местах заключения России в пореформенный период, 1864-1917 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1997.
7. Печников А.П. Тюремные учреждения российского государства (1649 – октябрь 1917 г.): ист. хроника. – М.: Щит-М, 2004.

8. Евсеев И.В. Волостная тюрьма, вопросы возникновения и последующей трансформации // Право и практика. 2023. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-volostnaya-tyurma-k-voprosu-vozniknoveniya-i-posleduyushey-transformatsii-v-xvxxvii-vv>.
9. Евсеев И.В. Атюнская трудовая колония для несовершеннолетних осужденных как пример положительного опыта воспитательной работы в 1935-40-е гг. // Научные труды ФКУ ФСИН России (научно-практическое ежеквартальное издание). Вып. 4. – М., 2023.
10. Петренко Н.И. Становление и развитие управления уголовно-исполнительной системой России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Рязань, 2002.
11. Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича, законы из Юстиниановых книг, указы дополнительные к судебнику и таможенный устав царя и великого князя Ивана Васильевича. – СПб: при Императорской Академии наук, 1768.
12. Никитин В. Н. Жизнь заключенных: обзор петербургских тюрем и относящихся до них узаконений и адм. распоряжений. – СПб, 1871.
13. Государственный архив Свердловской области. ГАСО. Ф. 202. Оп. 1. Д. 331. Л. 28-29 об.
14. Никонов С.П. Поручительство в его историческом развитии по русскому праву: Исслед. Сергея Никонова. – СПб: Т-во экон. типо-лит. Панфилова и Палибина, 1895.
15. «Сибирский приказ, г. Москва». Российский государственный архив древних актов. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1314. Л. 184 об.
16. Леонтьев А.А. Крестьянское право: Систем. излож. особенностей законодательства о крестьянах. – СПб: кн. маг. «Законоведение», 1909.
17. Учреждения для управления губерний всероссийскія Имперіи. Печатано при Сенате. – М., 1775.
18. Чайкин С.Н. Обеспечение порядка отбывания тюремного заключения на белорусских землях во второй четверти XIX в. – 1870-х гг. // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. 2020. № 1 // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 2562. Л. 1.
19. Беэр В.А. Административный устав о наказаниях, налагаемых сельским старостой и волостным старшиной: Сост. на основании точ. смысла закона и разъясн. Правительствующего Сената, с перечислением проступков и преступлений, не подвед. адм.-карат. власти сих должност. лиц, а также с указанием обязанностей по предупреждению и пресечению преступлений низш. и высш. в уезде полиц. чинов, а за отсутствием их, обязанностей г. зем. нач. – СПб, 1899.
20. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. – СПб: тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1889.
21. ПСЗ I. СПб, 1830. Т. XVIII: 1767. № 1340. Полное собрание законов Российской империи [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. – СПб: Тип. 2-го отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 18: 1767-1769: [№ 12812-13400], 1830.
22. Архив текущих документов учреждения СИ 4 ГУФСИН РФ по Челябинской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 34. Л. 4.
23. ПСЗ I. СПб, 1830. Т. XVIII: 1767. № 1340. Полное собрание законов Российской империи [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. – СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 18: 1767-1769: [№ 12812-13400], 1830.
24. Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века: исслед. Н.Д. Сергеевского. – СПб, 1887. XXII.
25. ПСЗ I. СПб. 1830. Т. II. 1662. № 328.

26. О препровождении колодников в Сибири, о даче им проводников и кормовых денег, и о постройке для их жительства на Верхотурье острога // ПСЗ I. СПб. 1830. Т. II. 1696. № 2. 1534.

Информация об авторах:

***И.В. Евсеев**, доцент кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А.Н. Сергеева, кандидат юридических наук*

***И.В. Канаков**, заместитель начальника кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А.Н. Сергеева*

About the authors:

***I.V. Evseev**, Associate Professor of the Department of Countering Drug Trafficking at the International Interdepartmental Training Center for Employees of Operational Units named after Lieutenant General of Militia A.N. Sergeev, Candidate of Law*

***I.V. Kanakov**, Deputy Head of the Department of Combating Drug Trafficking of the International Interdepartmental Training Center for Employees of Operational Units named after Lieutenant General of Militia A.N. Sergeev*

Статья поступила в редакцию 25.05.2024